Крылатов Евгений 29.05.99

Клубные Встречи

Пора что-то делать с Театром Сац

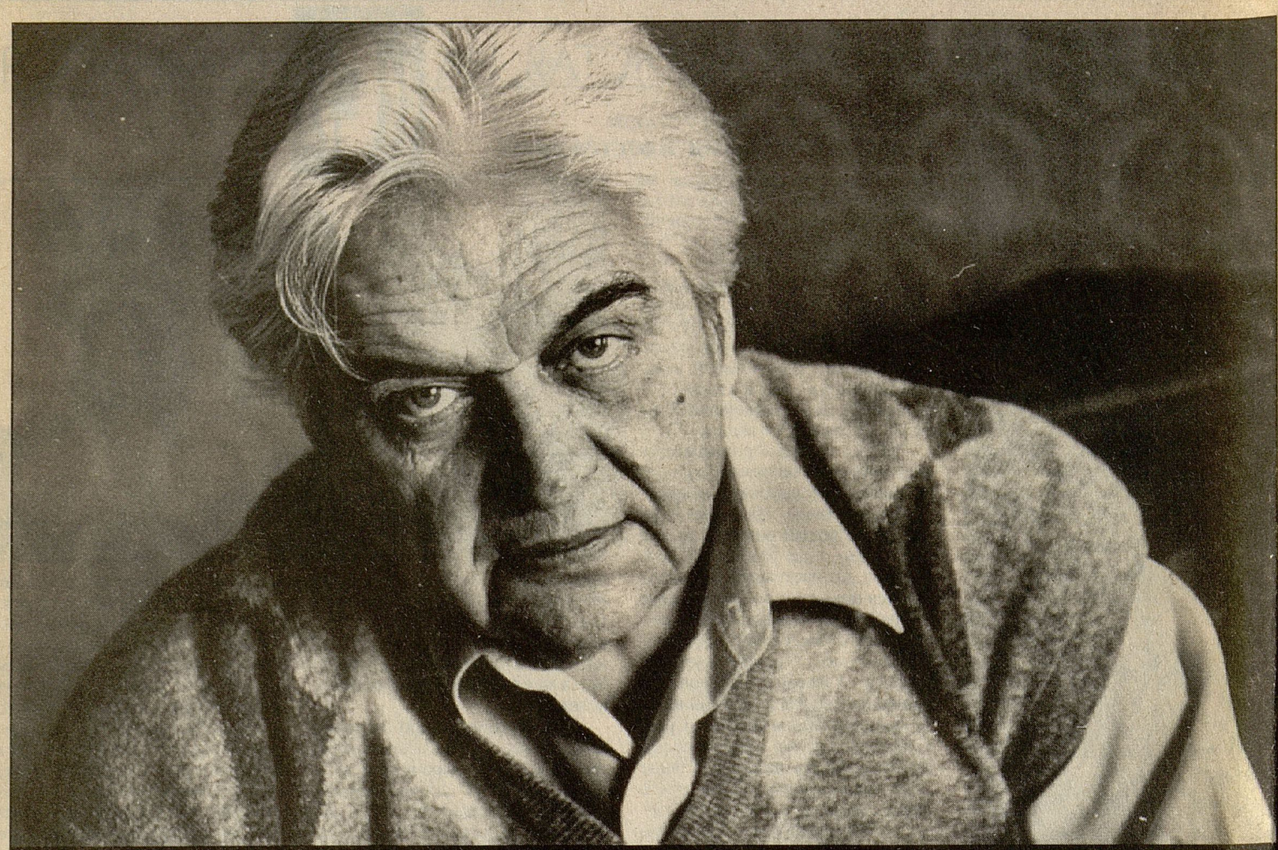

Фото Игоря ИВАНИКОВА

Евгений КРЫЛАТОВ:

ЖИЗНЬ В МОТОВИЛИХЕ Я НАЧАЛ С «ЛИНКОЛЬНА»

Вечерний клуб – 1999 – 29 мая – с.5

Крылатов – любимейший детский композитор. Правда, сам он возражает: «Мои лучшие детские песни – все-таки не детские». И не поспоришь: кто ж из взрослых удержится и не подпоет его знаменитым песням «Прекрасное далеко» и «Крылатые качели»? А «Лесной олень»? Кажется, Тухманов считает, что это лучшая мелодия XX века. 65-летие Евгения Павловича отметили недавно в концертном зале «Россия». Сам он сидел за роялем, а солидные дяди и тети в партере трогательно подмурлыкивали: «Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко». Очень даже актуально звучало.

— Евгений Павлович, вы из совсем простой рабочей семьи. А как же гены?

— Удивительно, но мой отец играл на скрипке. Это для меня до сих пор загадка. Иногда он, выпив, рассказывал, что его мать, возможно, происходила из немцев. Там, на Урале, в Лысьве, где я родился, было много «демидовских» немцев. А мы потом жили в Мотовилихе, в типичном таком районе Перми. Почему отец не купил себе баян или балалайку? Это было бы естественно для его среды. Но он купил скрипку, хорошую, немецкой работы, гриф у нее кончался головой льва. Да еще нашел в Перми какого-то скрипача, ученика Ауэра, и занимался у него, играл «Чардаш» Монти… В нашей квартире не было ни водопровода, ни, извиняюсь, туалета, из удобств – только печное отопление. Но когда появились первые пластинки, такие большие, тяжелые, он покупал и слушал Бетховена, Шопена.

— А мама?

— Мама была деревенская, тоже работала на заводе. Прекрасно пела. Рассказывала мне, что я рано стал проситься заниматься музыкой, и она отвела меня в пермский мотовилихинский Дворец пионеров. Он до сих пор стоит – старая, двухэтажная заводская постройка.

— Вы занимались на скрипке?

— На рояле. Но инструмента дома, конечно, не было. Какой там рояль… Урал, морозы, деревянные дома. Мама купила мне самоучитель игры на фортепиано, и там была такая вкладка (они и сейчас издаются): длинная бумажная клавиатура. На ней я и занимался.

— Это невозможно себе представить, это какая-то рождественская сказка про бедного мальчика.

— Вот именно. Потому что всю жизнь мне будто кто-то сверху посылал людей, которые меня вели. Я даже не могу вспомнить имени того человека из управления культуры, который распорядился, чтобы мне домой привезли рояль-прямострунку. Это сейчас в рояле струны по диагонали натянуты, и он не такой длинный. А тот был санкт-петербургский, тысяча семьсот какого-то года. Длинный, как «линкольн». Так что, можно сказать, жизнь свою я начал с «линкольна». Потом моя мама, подвижница, купила мне собственный рояль. Она прятала от папы спирт, везла в Казань, меняла на масло, везла это масло в кожаных мешках на пароходе обратно и продавала на базаре. И наконец купила рояль – маленький, салонный. Я безумно его любил. Может быть, еще и поэтому я до сих пор совершенно равнодушен к электронике.

— И вы прямо из Перми, без всякого блата, поступили в Московскую консерваторию?

— «Блат» у меня был. Как раз в это время в Пермь назначили в управление культуры бывшего скрипача Мариинки, потерявшего на фронте пальцы. Он в 1953 году послал меня и Сашу Немтина в Москву, на смотр начинающих композиторов со всего Союза. И мы с Немтиным попали в четверку тех, кому Московская консерватория за подписью декана Шапорина дала рекомендацию для поступления. Вот такой «блат».

— Говорят, в Московской консерватории у вас был гениальный курс.

— Во всяком случае, мы учились вместе с Алемдаром Карамановым – все тогда понимали его приоритетное значение. И с Альфредом Шнитке. Правда, на вступительных экзаменах все мы, кроме Шнитке, который был москвичом и имел хорошую теоретическую подготовку, на чем-нибудь засыпались. Я, например, поскольку у меня был довольно средний слух, — на сольфеджио.

— Ну это просто анекдот.

— Я не мог написать четырехголосный диктант, у нас даже и предметов таких в Перми не было. И гениальный Караманов на чем-то засыпался, неважно. Короче, мы пошли забирать свои документы, чтобы успеть подать их в другие консерватории, в Свердловскую, например. Но Свешников, кроме того, что он был ректором, был еще и государственным человеком. Он ни в коем случае не позволил нам уходить и велел сдавать дальше. Экзамен по истории партии выглядел так: пришла дама и, пока мы готовились, она читала широко раскрытую перед собой газету. Мы все списали, естественно.

— Кого Бог дальше послал вас опекать?

— Михаила Ивановича Чулаки, я учился у него.

— Хороший композитор? Имя слышала, но музыки – никакой и никогда.

— Что значит – хороший – не хороший??? Это был настоящий профессиональный композитор ленинградской школы, крупный общественный деятель. Дважды – директор Большого театра. Одно из его главных качеств было отсутствие ханжества.

— А это тут при чем?

— Я же был не москвич. Решил прописаться хоть в Московской области. Договорился с человеком, только надо ему сунуть тыщу рублей. А денег нет. Я прихожу к Михаилу Ивановичу в Большой театр. Представляете, сидит директор, уважаемый человек, член партии. Мне, говорю, надо тысячу рублей. Зачем, спрашивает он. На взятку, говорю, надо… Ну что вы, Наташа, смеетесь, я без всякого юмора вам это рассказываю! Он, кстати, был небогатый человек, он же песен не писал. Но назавтра принес мне деньги. Я потом еще благодаря ему написал балет для Большого театра – «Цветик-семицветик» по Катаеву.

— А песни вы когда стали писать? Если в консерватории – там над вами не смеялись? Там же положено симфонии, оратории, квартеты и концерты.

— Уже после. Началась реальная семейная жизнь, а я – бесквартирный, безлошадный. Вот и встал вопрос элементарного заработка. Кинематограф в этом смысле был наиболее реальным источником дохода. Кроме того, я не ведущий человек, а ведомый; мне нужна какая-то литературная основа, сюжет. За всю свою жизнь я, может быть, только три-четыре песни написал не для кино.

— С чего началась популярность?

— В 68-м году с «Колыбельной медведицы» из мультфильма «Умка». До этого были только песни, которые я писал для радио. Их пели хорошие певицы, это были такие радийные песни на добротные стихи; они проходили мимо уха, фоном, стиль такой был…

— То есть чисто для денег.

— Ну почему? Никто же не знает, что и как повернется… Чайковский сказал: вдохновение не посещает ленивых, поэтому я должен работать как сапожник, а дальше – как получится.

— Евгений Павлович, в детских садах что пятьдесят лет назад пели, то и поют – «Самолет летит, самолет гудит…» Почему государство не обращает внимание, что мы получили поколения, которым не интересна хорошая музыка?

— Не знаю, я же не государство. Но я для самых маленьких не пишу. Один композитор даже сказал как-то: «Крылатова надо запретить, он калечит детей – у него диапазоны такие, что это невозможно петь!» Кстати, у нас-то как раз для маленьких писалось очень много. Но революцию здесь произвел Шаинский. Он для малышей создал просто шедевры – особенно первый его «венок», первый выплеск: «Антошка», «Крокодил Гена»…

— Сколько разговариваю с композиторами – слова хорошего друг о друге не скажут. А вы – Шаинский, шедевры…

— В искусстве конкурентов не может быть. Это в спорте – я сегодня прыгнул на метр восемьдесят, а завтра Шаинский – на метр восемьдесят один, и я его за это ненавижу – так, что ли?! Как говорят китайцы, пусть расцветают разные цветы. Я очень люблю музыку, которая меня зацепляет. Рыбникова, Минкова, Гладкова.

— Гладкова которого?

— Геннадия, конечно. Гриша Гладков очень милый человек, но это другая уже направленность… Я очень высоко ценю Таривердиева. Проходит время – а его удельный вес все повышается. Раньше как считали? Подумаешь, для кино музыку пишет! А вот такой-то композитор 16 симфоний сочинил, вот это да! Но это же часто просто самообман.

— У Никиты Богословского восемь симфоний.

— Да зачем ему симфонии, у него 10 – 11 таких шедевров песенных, гениальных!

— Надо же, какой вы совершенно не завистливый.

— У меня есть другое свойство. В детстве я садился, играл Рахманинова и внушал себе: «Это я написал!» Я люблю то, что талантливо написано другим. Такая данность организма.

— Вы видели «Старые песни о главном»? Вас не коробит?

— Меня вообще ничего не коробит. Варум спела там моего «Лесного оленя» – и мне было очень приятно, что эту песню не забыли.

— Что такое хорошая эстрада? Какие у вас профессиональные критерии?

— Критерий один: чтобы не было противно. Если мне по телевизору что-то не нравится, я выключаю его и все.

— Ну, давайте так: есть ли поп-певцы, которые для вас привлекательны?

— Безусловно, Меладзе, например. Прекрасный голос, достойно держится.

— Уж больно однообразный.

— Да, как будто тянется одна такая длинная индийская песня… Но красиво звучит, порядочно, что ли. Мне нравится, как поет Киркоров – слышны его душа, его темперамент.

— А Алла Борисовна?

— К Алле Борисовне у меня отношение однозначное. Великая – это, может, чрезмерно было бы сказать. Но вы посмотрите на остальных певиц – они ее осколки: каждая владеет только частью ее большого творческого диапазона. Но самое главное, что Пугачева безгранична, что ли. Ведь время идет – и она, оказывается, может петь песни гражданской направленности. Она для меня – как продолжение Шульженко. Каждый раз, когда я ее вижу, попадаю под ее магнетизм. Она «держит». А это главное свойство артиста.

— Вам что-нибудь говорят такие имена, как Буйнов, или Укупник, или Сташевский, Губин, Кай Метов?

— Всех, конечно, видел по телевизору. Раз эти певцы имеют своего зрителя – значит они нужны. Чего тут ворчать и бурчать? А Кай Метов мне просто нравится.

— Ужас какой.

— Вам нет? Ну, видите, я из простой семьи, из Мотовилихи, у меня, может, вкус плохой.

— Издевайтесь, издевайтесь.

— Во-первых, в нем есть элемент шаманства, медитации. Во-вторых, он закончил ЦМШ по классу скрипки. А скрипачи – это же самая элита! Есть масса музыкантов, которые не знают нот вообще. Бог с ними, нот они могут не знать – но они не знают, что существует музыка.

— Один вполне уважаемый мной музыкальный критик вдруг назвал Игоря Крутого Генделем нашего времени. Что скажете?

— Вы хотите, чтоб я сказал: «Нет, он не Гендель. Гендель – это я!»? Крутой – великолепный музыкант, прекрасный организатор и шоумен. А в свое время был очень профессиональный аранжировщик. То, что он пишет, может мне не нравиться. Но я же так не могу написать! Говорю без всякого кокетства.

— Есть по телевизору передачи, которые вы обязательно смотрите?

— Новости. Творческие вечера своих коллег. «Тему». «Маски» не люблю – ни у Познера, ни у Комиссарова; есть в этом что-то такое… А вообще в силу своего специфического мобильного образа жизни регулярно я телевизор не смотрю.

— В чем заключается мобильный образ жизни?

— В предыдущие два года я очень много ездил по стране с концертами. Сам играю, пою. «Ольховую сережку», еще люблю «Клеверное поле», «Умку». Мне это несложно – потому что со мной поет весь зал. Всего «Электроника», «Прекрасное далеко», мироновскую «Песню о шпаге», «Не надо бояться».

— Сейчас как композитор что-нибудь делаете?

— Сегодня – нет. Я жизнь прожил с кино, а там сейчас туго. В предыдущем сезоне все-таки сделал несколько фильмов – «Дети понедельника» Суриковой, два военных фильма, одну сказку.

— Что из киномузыки последних лет вы бы отметили? Мне, например, было обидно: мало того, что столько злобы вылили на «Сибирского цирюльника», так еще и потрясающей музыки Артемьева никто не заметил. Будто без ушей сидят.

— Как я рад, что вы это говорите! Я этот фильм с таким удовольствием смотрел!

— А «Страну глухих» видели? Там интересная музыка Алексея Айги.

— Не могу я смотреть фильмы с такими названиями. Страна глухих; мент такой, мент сякой; сволочь хорошая, сволочь плохая – не могу. Хотя, наверное, я не прав.

— Во-первых, не правы, а во-вторых, у Айги музыка прекрасная, а его на «Нике» нагло прокатили.

— Я вам верю, что он талантливый. Так он же молодой, наверное? Он еще получит свою «Нику», пусть не переживает! Я лично никакой «Ники» так и не получил.

— На ваше профессиональное ухо, последние пять лет появлялись ли достойные мелодии?

— Я не вижу плеяды композиторов, которые идут в следующем поколении. В предыдущем – у Рыбникова есть гениальные вещи…

— «Юнона» и «Авось»…

— А «Буратино»? А на слова Тагора? А у Марка Минкова – на слова цветаевские, дербеневские? Сейчас я просто такого не слышу, сейчас микширование идет. Сейчас время тех, кто в шоу-бизнесе. Раньше была «Песня года» – звонили, спрашивали: нет ли чего? И если что-то появлялось – оно выскакивало само, не нужно было никого просить. Сейчас на «Песне года» я не вижу никого из своих любимых коллег. А «лучшие» песни поют целых два вечера – это же не может быть, чтобы столько лучших песен года! И все одно и то же, одно и то же. Ясно, что все поставлено на коммерческую основу.

— Сколько вы примерно всего песен написали?

— Немного. Около ста. Вы спросите, почему. Ведь наши мастера жанра по две, по три тысячи песен сочиняли. Но я не могу на плохие стихи писать, мне нравится Рождественский, Евтушенко, Ахмадулина, Дербенев, Энтин…

— Только Резника не ставьте в этот ряд.

— Не согласен! Он – профессионал. Мы с ним написали две хорошие вещи — "Песню о Севастополе" и "Прикосновение". А к юбилейному концерту надо было срочно сочинить слова к моей песне, а там очень извилистая мелодия. Он на следующее утро мне позвонил и продиктовал «На синем небе облака»… И это тоже надо уметь. Можно кого угодно пинать и пинать – но только если ты можешь сказать: пожалуйста, да я и сам запросто пишу эти дурацкие шлягеры! Мне кажется, сейчас в принципе очень много критиканства. А мелодию хорошую может сочинить человек пять в мире.

— Причем, Нино Рота, говорят, как работал? Мелодию кинет – а работают над ней, записывают, развивают мастеровые.

— Нино Рота еще что, вот Морриконе… У него 400 фильмов! Но, кстати, это не главное: Фрадкин тоже не все умел, а вот написал же «Ночь коротка…» Всё! Шедевр!

— Возможно, вы, Евгений Павлович, ответите мне на больной вопрос: что делать с театром Сац?

— Мне глубоко обидно, что такая блестящая идея – идея музыкального детского театра – не реализована. Для него ни разу не писали ни Геннадий Гладков, ни Алексей Рыбников, ни, извините за нескромность, Евгений Крылатов. А ведь даже наши имена ему многое бы дали. Я однажды взял своего любимого Юру Энтина и сказал: пойдем в этот театр, предложим им поработать… Жалко же их, у них же уровень прикладной музыки драмтеатра… Но все кончилось нашим полным фиаско. Я предложил им «Русалочку», по музыке к фильму, это вообще лучшая моя музыка. Но мне ответили: наш музыкальный редактор министерства уже написал на эту тему…

Встречалась
Наталья ЗИМЯНИНА

ФАКТ

Онегин встретился с графиней

Пушкинский вечер «От «Онегина» к «Пиковой» Владимир Федосеев задумал еще года полтора назад. Идея, собственно говоря, проще некуда: тексты Александра Сергеевича, чередующиеся с фрагментами опер Чайковского. А главная трудность, надо полагать, была в том, чтобы собрать в нужное время и в нужном месте под руководящую федосеевскую руку и его оркестр – Большой симфонический, и Аллу Демидову, читающую Пушкина, и оперных солистов, и Капеллу имени Юрлова. Что и удалось сделать в минувший понедельник в Большом зале консерватории.

Все организационные и репетиционные сложности, как и положено, остались за кадром. Зритель же увидел действо филигранно отточенное и невыразимо красивое. Особенно хороши были оркестр и солисты, прежде всего Альберт Шагидуллин из Королевской оперы Амстердама и Мария Гаврилова из Большого. Алла Демидова, сидевшая на сцене в окружении виолончелей, в первом, онегинском, отделении, похоже, переволновалась и невольный заочный спор с телевизионным «Онегиным» Сергея Юрского вчистую проиграла, зато «Пиковую» читала так, что мороз по коже. Букетам не было числа, аплодисменты не стихали минут десять. Прямую трансляцию по радио «Орфей», боюсь, мало кто слышал, но всё снималось для ТВ. Не пропустите. *(Виктор ДМИТРИЕВ)*

«Максидром» по карманам

Отечественный рок-бомонд съехался в минувшее воскресенье с просторов СНГ в спорткомплекс «Олимпийский» на семичасовой фестиваль-марафон «Максидром». За небольшим исключением все лучшие выступили на концерте: «Алиса», «Сплин», «Аквариум», «Tequilajazzz» — всего около 20 групп. (Не было Чижа, Шевчука, «Мумий Тролля»).

Поклонники русского рока копили деньги на билеты весь год. Лидер «Чайфа» Владимир Шахрин сказал журналистам, что не смог бы подарить двум своим детям билеты по 750 рублей. И это несмотря на то, что все музыканты выступали бесплатно.

Темперамент публики был явно ниже, чем на «сольниках» культовых групп. Но здоровый восторг был обеспечен практически всем участникам – от Паштета из группы «I. F. K.» до Андрея Макаревича, которому 20-тысячный зал стоя аплодировал в такт хитам начала 80-х. Расстроилась только «Амега»: музыкантов забросали пластиковыми бутылками, и они были вынуждены «уносить свои ноги-ноги-ноги». *(Константин БАКАНОВ)*

Правительство Москвы, Комитет по культуре Москвы, Сад «Эрмитаж» и газета «Новые Известия» представляют

Пушкинский БАЛ В САДУ «ЭРМИТАЖ»

А.С. Пушкин 200 со дня рождения

В ПРОГРАММЕ:
крепостной балет с живыми картинками и открытие монумента поэту
деревенская гульба с дрессированными зверями
бал в Дворянском собрании с гусарами и звездное варьете с аукционом
иллюзион, гадания, ужастики и китайская чайная церемония
биллиард в библиотечном интерьере, рестораны, бары с «чего изволите?!»
на десерт фейерверк по старинке

5 июня в 17:00

Hotel Sun Zeyner ★★★★★
Покров
CASINO GRAND PRIX

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА
Новые Известия
Московские Новости
Еженедельник Новое Время
Регионтранк
RosNet Российская телекоммуникационная сеть
2x3 Газета

НАШ АДРЕС: БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА, 22, 5 ЭТАЖ

У ТЕЛЕ-ЭКРАНА

Ксения РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

НОВО-ЖЖЕНКА И ОТТ-СТРАНЕННОСТЬ

У тех, кто никак не дождется дня рождения Пушкина, на прошедшей неделе появился повод выпить досрочно: телевидение вместе со всем советским народом отмечало десятилетие первого съезда народных депутатов. Мы вообще любим отмечать. А уж если дата хоть сколько-нибудь кругла, а водка холодна – тут только держись. День Депутата отметили фильмом Светланы Сорокиной "Съезд побежденных?" Главное в фильме – не параллели с русской историей, не сегодняшние разговоры с героями вчерашних дней. Главное другое: мы увидели людей, которые канули в историю. Десять лет назад они делали политику, их имена знали все. Кто-нибудь помнит их сейчас? Да мы и себя – тогдашних – не помним, поэтому документальные кадры десятилетней давности воспринимаются как хороший боевик. А фраза "От партии на съезде было столько-то депутатов" настораживает: почему не сказано, от какой именно партии? Хорошо, Сорокина вовремя уточнила: "От единственной партии. Партия тогда была одна".

Что прошло, то прошло. Слишком быстро все меняется. Да и не наше это дело – помнить. Пусть телевидение запоминает и нам потом рассказывает.

Назойливый, как прогноз погоды, и столь же неутешительный Лев Новоженов сменил Бориса Ноткина и стал новым ведущим "Старого телевизора". После этого программа окончательно потеряла индивидуальность, превратившись в дурной клон остальных Новоженовских проектов. Расхожая мысль о том, что история повторяется сначала как трагедия, а потом как фарс, получила очередное подтверждение: Дибров, первый ведущий "Старого телевизора", – это уже история. Ноткин оказался, в общем-то, трагедией для зрителей. А сейчас те, кто еще рискует смотреть эту передачу, наблюдают тоскливый фарс. Новоженов – профессионал, которому скучно, вот он и пытается развлечься, хамя зрителям и задавая идиотские вопросы своим гостям.

Еще одного скучающего профессионала мы могли наблюдать в программе "Урмас Отт с Никитой Михалковым". Ресторан "Прага" – чудесное место. Жидкость в хрустале сверкает призывно, официант предупредителен, Отт мил, Михалков убедителен. Смотри и радуйся. Единственная проблема: о чем говорили мэтр тележурналистики с мэтром кино, понять было трудно. Почти невозможно. То ли микрофоны оказались плохого качества, то ли ресторанная акустика не рассчитана на то, чтобы вся страна слышала, что там за столом вещают. Нет, какие-то слова были слышны, особенно если напрячься. К примеру, Михалков выдал очень красивый афоризм: "Я не хочу быть понятным. Я хочу быть понятым". С таким качеством звука понятым быть сложно. Да и понятным, честно говоря, тоже.

Вообще застольная беседа на двоих (не на троих) – интересный жанр. Подразумевается, что за столом собрались деловые люди, которые хотят решить какие-то дела, выказать уважение друг к другу (прямо пропорциональное стоимости ужина) и при этом не подпустить собеседника слишком близко, встретившись с ним на нейтральной территории. "Я буду пить с тобой, но я не буду петь с тобой". Отт подчеркнуто вежлив, и в финальном вопросе "Вы честно отвечали?" – нет милицейской подозрительности. Это звучит как последний пункт длинного, занимательного и совершенно бесполезного теста на сообразительность. Во время своего первого появления на тогда еще советском телевидении эта отстраненность (Отт-странность) выглядела стильно. Собеседники спокойного прибалта из себя выходили, когда слышали вежливый вопрос: "А сколько вы получаете?" Сегодня вопрос этот уже не нов, собеседники Отта поднаторели в ответах на вопросы гораздо более каверзные, и прибалтийское спокойствие выглядит не стилем, но скукой. Михалков, правда, скучным не казался. Сказал он одну фразу, ради которой стоило смотреть передачу. "В моей жизни есть четыре главные вещи – признался он. – Четыре вещи: здоровье, вера в Бога, чистая совесть". Потом задумался, пересчитал и поправился: "А! Любовь. Еще любовь". Счастлив тот человек, который всегда помнит о наличии в своей жизни чистой совести, но не сразу вспоминает о любви.

Собственно, есть любовь, о которой вспоминать совсем не хочется. Например, любовь из передачи "Моя семья". Об этой программе и говорить-то не стоило бы, настолько она примитивна и занудна, однако на этот раз ее герои превзошли все ожидания. В числе непонятно зачем приглашенных в студию "звезд" оказался Бари Алибасов, который рассказывал, как юмор помогает ему в жизни. Вот звонят ему поклонницы нанайцев: "А Вову можно?" – а он им остроумно так отвечает: "А Вова умер". – "Вы, наверное, шутите?" – "Да нет, вот гроб стоит".

Нет, вы, наверное, все-таки шутите. Не может это быть смешным. Не может телевидение быть настолько пошлым. Это просто шутка, в реальности все по-другому. В реальности и Вову можно, и мы помним свою историю, и до дня рождения Пушкина осталось всего ничего, и есть в жизни счастье, нескучающие профессионалы, чистая совесть и хорошие телепередачи. А! Чуть не забыла: любовь. Еще любовь.